

## ГЛАВА 8

### КОНФЛИКТУЮЩИЕ КОНЦЕПЦИИ ПРОШЛОГО В БРИТАНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII – СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА)<sup>1</sup>

Национальный «проект», созданный в исторических сочинениях позднеэдуардовской и раннестюартовской Англии – «Британия» У. Кемдена, «Поли-Ольбион» М. Дрейтона, «Исторические хроники» У. Шекспира, вскоре пережил испытание на прочность в горниле гражданской войны середины XVII века. Собственно, революция сама по себе указывает на неудачу попыток первых Стюартов создать на основе британской идентичности сильное, хорошо управляемое государство в составе Англии, Шотландии, Ирландии и Уэльса – то, что впоследствии получит название композитарной монархии. Как хорошо известно, «великий мятеж» начался с англо-шотландского конфликта – «войны епископов» 1639–1640 гг. И то, что бесспорным авторитетом в ситуации конфликта стала Библия, говорит о том, что «пространство» и «время» в ренессансном измерении не стали преобладающими тропами мышления в Англии середины XVII века. Именно «Библия... стала разделяющим мечом или скорее арсеналом, из которого все партии выбирали себе оружие, отвечавшее их нуждам»<sup>2</sup>. Ренессансный «проект» «De Republica Anglogum» рассыпался на глазах, едва начавшись.

В стремительно меняющейся «ситуации» в Англии в конце XVI – начале XVII в., заданной процессами «огораживаний», успехами торговых компаний и подъемом новых «классов», наблюдался расцвет пуританизма. Однако в «пуританской революции» не было победителей. Прежде всего, ее несомненным результатом стала «прививка от революции»<sup>3</sup>. Во-вторых, как заметил Рой Портер, развитие

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «Культура духа» vs «Культура разума»: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII–XVIII вв.).

<sup>2</sup> Хилл К. Английская Библия и революция XVII в. М., 1998. С. 3–4.

<sup>3</sup> Английская буржуазная революция XVII века / Под ред. акад. Е.А. Косминского и Я.А. Левицкого. М., 1954. Т. II. С. 221.

английского общества теперь будет пронизывать тенденция рационализации религии<sup>4</sup>. После 1688 г. сложится то, что Джонатан Кларк назвал «англиканской конституцией церкви и государства». Убеждение в божественности королевской власти будет оставаться преобладающим для большинства людей. Лозунг «церковь и корона» будет обладать непоколебимой святостью<sup>5</sup>. «Церковь», по существу, означала в данном контексте религию социальной и политической элиты, моральное обоснование ее привилегированного положения в обществе. Как напишет в 1790 г. Э. Берк: «Мы знаем, более того, мы чувствуем душой, что религия – основа гражданского общества, источник добра и утешения; мы в Англии в этом настолько убеждены, что можем утверждать, что у нас девяносто девять человек из ста выступают против безбожия... Из всех религий мы выбрали протестантизм и исповедуем его не равнодушно, но с рвением»<sup>6</sup>. Этот феномен Дж. Кларк называет «длинной тенью религиозной войны».

Революция станет «моментом» рождения политической философии в Англии, где идея сильного светского государства займет центральное положение. Томас Гоббс в своем сочинении «Левиафан» (1651) даст обоснование этой идеи как единственного средства предотвращения распада общественного порядка. Работа «Патриарх» Роберта Филмера, главного критика Гоббса, защищавшего божественное право королей, была опубликована лишь в 1680 г. посмертно. Именно она стала предметом острой критики со стороны Джона Локка в первой части «Двух трактатов о правлении», Олджернона Сидни в «Беседах о правительстве» («Discourses Concerning Government», 1680) и Джеймса Тиррела в «Патриарх - не монарх» («Patriarcha non monarcha», 1681). Исследования политических дискуссий конца XVII – начала XVIII века. показывают, однако, что не Гоббс, Локк или Сидни, а Филмер был самым влиятельным политическим мыслителем того времени<sup>7</sup>. Для нас в данном контексте неважно идет ли речь, выражаясь языком политологии, о деспотической или олигархической форме правления (в последней представлении о божественном происхождении королевской власти будет бесповоротно отброшено). Важно, что речь шла о некоем

<sup>4</sup> Porter R. The Creation of the Modern World: The Untold Story of the British Enlightenment. L., 2000. P. 96-130.

<sup>5</sup> Clark J. C. D. English Society, 1688–1832: Ideology, Social Structure, and Political Practice during the Ancien Regime. (Cambridge Studies in the History and Theory of Politics.) New York: Cambridge University Press. 1985. P. 43–70.

<sup>6</sup> Берк Э. Размышления о революции во Франции // Социс. 1991. № 6. С. 116.

<sup>7</sup> Kenyon J. Revolution Principles. The Politics of Party. 1689–1720. Cambridge, 1977. P. 63.

устойчивом «порядке правления», который вскоре получит обоснование в конституции.

Самостоятельным модусом формирования нового политического порядка стала история. Изобретение мифа древней конституции Англии оказалось напрямую связано с политической борьбой на протяжении всего XVII века, отголоски которой «слышны» на страницах уже упомянутых сочинений. Именно здесь надо искать истоки дискуссии о «нормандском иге» – магистральной теме в процессе становления парламентской монархии в Англии<sup>8</sup>. Поразительно, но факт – проблема нормандского завоевания Британии будет оставаться в центре острейшей полемики в период между 1600 и 1900 гг. Де-политизация темы нормандского завоевания начнется только Гербертом Баттерфилдом в его работе «Вигская интерпретации истории» (1931). Именно он – в качестве научного руководителя Джона Покока – настаивает на изучении антинорманизма XVII века на примере Роберта Бреди и его единомышленников<sup>9</sup>. Результатом стало фундаментальное сочинение Покока «Древняя конституция и феодальное право. Изучение английской исторической мысли в XVII веке» (1957), в котором он прямо увязал понятия «древняя конституция» и «нормандское иго» как взаимосвязанные смысловые оппозиции, сформировавшиеся во второй половине XVII столетия.

Дж. Покок показал, что только в XVII в. формируется «мышление общего права» (*англ.* The Common-law Mind). В ситуации становления национальных государств, замечает он, общим местом было «удревнение» законов и обычаев королевств под давлением политических условий современности. Знатоки права не находили, как правило, аналогий римскому праву в собственном национальном прошлом, особенно в вопросах, связанных с законом, правом и суверенитетом. Юристы, примыкавшие к антикварному дискурсу, довольно рано осознали, что национальные формы права кардинально отличаются от Кодекса Юстиниана по своему характеру и основным идеям. Для них само собой разумеющимся было предположить существование «древней конституции» с незапамятных времен в виде

---

<sup>8</sup> Тема становления парламентской монархии в Англии имеет устойчивую традицию изучения в отечественной историографии. См.: Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента (Из истории английского общества и государства XIII века). М., 1960. С. 3–43; Гутнова Е.В. Историография истории средних веков: 2-е изд. М., 1985. С. 216–217; Горелов М.М. Датское и нормандское завоевание Англии в XI веке. СПб., 2007. С. 10–43.

<sup>9</sup> Pocock J.G.A. The Ancient Constitution and the Feudal Law: a study of English Historical Thought in the Seventeenth Century. A Reissue with a Retrospect. 1987. Cambridge, P. VIII, XIV.

обычаев и их производных, юридически имеющих обязательную силу на данный момент времени. «Древнее» обладало высшим авторитетом, потому что древние законы не требовали дополнительной легитимации. Как показал Покок, в ситуации борьбы короля и парламента первых лет правления Карла I Стюарта самый влиятельный юрист начала XVII века Эдмунд Кок сумел выстроить убедительную систему доказательств в пользу удревнения английской конституции, став таким образом «авторитетом» англосаксонского права.

Глава Суда Королевской скамьи в 1613–1616 гг. Э. Кок, оказавшись в оппозиции короне, систематизировал принципы англосаксонского права, создав стройную концепцию общего права в знаменитом сочинении «Институты законов Англии» (1628–1644)<sup>10</sup>, где он показал, что суды, парламент и право появились в Английском королевстве с незапамятных времен и существовали задолго до Вильгельма Завоевателя, который, между прочим, поклялся соблюдать древние законы Эдуарда Исповедника и даже настаивал на их соблюдении и сохранении. В своем анализе Кок опирался на публикацию раннесредневековых «правд» (*англ.* dooms), опубликованных У. Ламбардом в его «Archaionomia» (1568). Кок увязал феодальные институты с эпохой, предшествовавшей нормандскому завоеванию, на основании текстов «Законов Исповедника» (*лат.* «Leges Confessoris») и «законов Вильгельма» (*лат.* «Leges Willielmi»). На самом деле Кок характеризовал как существовавшие с «незапамятных времен» те учреждения, которые были введены нормандцами только в XI веке<sup>11</sup>. Миф-концепция подтверждения древности английских законов у Эдмунда Кока достигает своего пика в его оценке Великой хартии вольностей 1215 года (впоследствии нарушенной Тюдорами), содержание которой было положено в основу «Петиции о праве» 1628 года. При этом юрист сам как бы не замечает, что имеет дело с правовым документом XIII века.

Понятно, что социальные трансформации XVI–XVII вв. в Английском королевстве неизбежно вели к изменениям политико-правового характера. Джон Покок замечает, что «когда парламенты Елизаветы I начали заявлять свои права, которые были фактически новыми, на самом деле они создавали прецеденты... Они формировали свои требования как того желали, но со ссылкой на уже существующие законы – содержание английского права было неопреде-

<sup>10</sup> См.: Coke E. The First Part of the Institutes of the Lawes of England. Or, a Commentarie upon Littleton, Not the Name of a Lawyer Onely, but of the Law it selfe, London: Printed [by Adam Islip] for the Societe of Stationers, 1628.

<sup>11</sup> Pocock J. G. A. The Ancient Constitution... P. 43.

ленным и неписаным<sup>12</sup> – и можно было всегда заявить (что мы и видим на самом деле), что все в существующем законодательстве было испокон веков... Поиск прецедентов завершается расширением корпуса предполагаемых прав и привилегий, которые должны были быть древними сами по себе, и это – в сочетании с общим и твердым убеждением, что Англия управляется законом, который сам по себе существовал с незапамятных времен – привело, в свою очередь, к оформлению того наиболее важного и неуловимого понятия семнадцатого века как основной закон<sup>13</sup>. И сегодня ясно, что «древний» (*англ. ancient*) и «основной» (*англ. fundamental*) закон в XVII в. были синонимичными понятиями<sup>14</sup>.

Выше представленные тенденции хорошо известны из политической истории Англии XVII века, но наш главный вопрос заключается в другом: каким образом эта ситуация влияла на развитие знания о прошлом и формирование концепции национальной истории. Не удивительно, что парламентарии и законники-юристы следовали концепции «древней конституции». Но одновременно складывалась и другая, альтернативная точка зрения по этому вопросу. Суть ее заключалась в том, что свободы Западной Европы, в т.ч. английское право и парламент, были по происхождению «готскими», то есть древнегерманскими. Покок одним из первых поставил вопрос о двух различных линиях историко-правового развития в XVII в. – «кокианской», или «общеправовой», и «готской». Конечно, первая также апеллировала ко времени короля Альфреда, но без акцента на его древнегерманском происхождении: он представал лишь одним из древних британских королей. Англосаксонское право для Кока и его последователей имело исключительно островной характер, и смешивать миф о древности английского закона с готской свободой означало для них смешать себя с примитивными варварами германского леса Тацита<sup>15</sup>. Вторая «линия» была связана со стремлением исторически осмыслить вопрос нормандского влияния через понятие «феодализм», пришедшее с континента, как с точки зрения исторических событий XI века, так и с точки зрения развития историографии XVI–XVII вв.<sup>16</sup> Этот вопрос упирался в изучение традиции письменной систематизации правовых отношений господина и вассала. Таким

<sup>12</sup> Кондратьев С.В. Юристы общего права в елизаветинской и раннестюартовой Англии / Англий XVII века. СПб., 1997. С. 88–89.

<sup>13</sup> Pocock J.G.A. The Ancient Constitution... P. 47–48.

<sup>14</sup> Gough J.W. Fundamental Law in English Constitutional History. Oxford, 1955.

<sup>15</sup> Pocock J.G.A. The Ancient Constitution... P. 57.

<sup>16</sup> Pocock J.G.A. Ch. III. The Discovery of Feudalism: French and Scottish Historians / Pocock J.G.A. The Ancient Constitution... P. 70-91.

примером может служить «*Libri Feudorum*» – запись «обычаев лангобардов» в XII в., позже ставшая основой «civil law». Открытие места Англии в правовой истории Европы принадлежало не юристам, а сплоченной группе антикваров эпохи правления Якова I Стюарта – Кемдену, Коттону, Ашеру, Селдену, Спелмену.

Решающую роль в формировании альтернативной точки зрения на нормандское вторжение и влияние сыграл великий антиквар сэра Генри Спелмена (1562–1641). Практически все его сочинения увидели свет после смерти автора. В 1626 г. была опубликована только первая часть «*Archaeologus*» – глоссария архаизмов и древнеанглийских слов в церковной и правовой лексике. Вторая часть этого сочинения пролежала в рукописи еще более двадцати лет после кончины Спелмена, и только У. Дагдейл сумел опубликовать всю работу целиком в 1664 г. Другим важным сочинением Спелмена, ярко демонстрирующим его историческое мышление, является «История и судьба святотатства», написанная в 1632 г. и опубликованная лишь в 1698 г.<sup>17</sup> Самостоятельную группу его трудов составляют рукописи трактатов Спелмена на антикварные и правовые темы, которые были опубликованы Эдмундом Гибсоном в «*Reliquiae Spelmanniana*» в 1698 г. Сочинение – «*Codex Legum Veterum*» – вышло только 1721 г., когда Дэвид Уилкинс предпринял свою публикацию «Англо-саксонских законов».

Не будучи ни юристом, ни богословом, Спелмен как ученый-антиквар смог сосредоточиться в последние тридцать лет своей жизни на изучении истории общего права и истории церкви. Собирая средневековые рукописи, он очень скоро осознал главную трудность в изучении двух этих направлений национальной истории – установление смыслов устаревших и варварских слов. Так возникла идея создания глоссария как предварительного этапа к дальнейшей работе. Именно составление «*Archaeologus*» и заставляет Спелмена серьезно познакомиться с существующей системой общего права. Однако, в отличие от Кока, для которого история закона состояла из прецедентов и обоснования прав и действий на их основании в современности, для Спелмена это был вопрос понимания этимологии слов, вышедших из употребления, и интерпретации их смыслов.

С самого начала отношение Спелмена к текстам общего права было критическим. Он выбирал для изучения наименования обычаев, служб, званий, обрядов, правил в средневековых церкви и праве. Не ограничиваясь выяснением смысла слова на основании английских исторических источников, Спелмен выявлял аналогии в других языках – готском, древнесаксонском и пр. Он действовал так пото-

<sup>17</sup> Spelman H. The history and fate of sacrilege. L., 1698.

му, что разделял убеждение своих современников-антикваров Ноуэлла и Кемдена о принадлежности древнеанглийского языка к германской группе языков. Интенсивная переписка с французскими, голландскими и немецкими учеными помогла ему приобрести обширные знания о европейских законах, обычаях, картуляриях, указах, хрониках и документах различного рода, а, следовательно, правовых и духовных аспектах жизни средневекового общества Запада. И в данном случае, не так важен диапазон его впечатляющей эрудиции, как его сравнительный подход, который позволил ему критически подойти к изучению английского прошлого.

Исходя из своих филологических штудий Спелмен предполагал, что английское общее право своим происхождением в значительной степени обязано древнегерманскому влиянию. Он понимал, что древнегерманский обычай не мог сохраниться в своем первоизданном виде и знал, что законы «варваров» претерпевали существенную историческую эволюцию. Крайне важный процесс, считал он, протекал в изменении структуры варварских законов, а именно, ключевым моментом было складывание феода (*лат.* «*feudum*») и его трансформация от неустойчивых форм держания к наследованным и «вечным». Под заголовком «*Feudum*» в «*Archaeologus*»<sup>18</sup> Спелмен дает собственную оценку процесса феодализации. Феод, по его мнению, имел германское происхождение и в реальности представлял собой группу, состоящую из господина и его вассалов, образованную на определенных принципах держания земли. Он создавался изначально для военных целей, а впоследствии складывается феодальный суд. Феод развивался медленно. С увеличением населения германских народов он принял свою завершённую форму в средневековой Европе<sup>19</sup>.

В доказательство своего утверждения, что рыцарские держания складываются в Англии в эпоху не ранее Вильгельма Завоевателя<sup>20</sup>, Спелмен пишет в 1639 г. специальный «Трактат о феодах и землевладениях на рыцарской службе в Англии» (*англ.* «*Treatise of Feuds and Tenures by Knight-service in England*»), который был опубликован только в 1698 г. Феодальное землевладение является продуктом эволюции всех германских народов, полагает Спелмен, в т.ч. англов и саксов, но на континенте его эволюция в сторону наследственности

<sup>18</sup> Spelman H. *Archaeologusy*. 1626. P. 255–262.

<sup>19</sup> Spelman H. *Reliquiae Spemannianae: The Posthumous Works of Sir Henry Spelman Kt. Relating to the Laws and Antiquities of England*. Publish'd from the original manuscripts. With the Life of the Author. Oxford: Printed at the Theater for Awncsham and John Churchill, L.: for A. & J. Churchill, 1698. P. 4.

<sup>20</sup> Pocock J. G. A. *The Ancient Constitution and the Feudal Law...* P. 100.

была уже хорошо выражена в законодательстве Гуго Капета 988 г. и Конрада II 1026 г. Нормандцы достигли окончательной стадии правового оформления феода незадолго до завоевания Британии. Ни одного слова «*feudum*» в английских документах до 1066 года, описывающих сходные процессы, не найдено, в то время как все соответствующие слова и привычные характеристики *feudum* встречаются во множестве документов нормандского периода. Таким образом, Спелмен доказывает, что зрелые формы феода были импортированы в Англию нормандцами и стали играть здесь после этого важную роль. И это был кульминационный момент в предшествующей вековой эволюции феода к наследственным формам владения на Британских островах. Каждый кусок земли в Англии фактически, констатирует Спелмен, должен был признать верховного владельца, именуемого королем, после чего владение на основаниях общего права естественным образом становилось феодом. Вся земля Англии превращалась в феодальное владение в полном смысле этого слова. Поэтому Вильгельм Завоеватель должен был – о чем сообщают летописцы того времени – разделить всю страну между своими сторонниками и последователями для того, чтобы иметь вассалов как это уже было в самой Нормандии и Ломбардии («*Libri Feudorum*» XII в.).

Разработанная Спелменом концепция «феода» оказала существенное влияние на его интерпретацию англонормандского периода в истории Британии, а именно, рассмотрении парламентской истории в свете эволюции феодализма. В незавершенном трактате «*Of Parliaments*» Спелмен пишет, что парламенты возникли позднее института королевской власти. Они представляли собой результат деятельности самих королей, которые первоначально предоставляли своим вассалам землю в обмен на обязанность служить и быть верными королю, а не были порождены положениями общего права<sup>21</sup>. Спелмен создает целостный портрет феодального общества. В этом обществе только слуги короля могут быть допущены давать ему совет. Всех остальных король допускает в Парламент только на том основании, что он их верховный господин и его «служилые» имеют много других разнообразных обременительных служб. Палата общин появляется сравнительно поздно, и класс, который она представляет (фактически – это фригольдеры), не может существовать в строго феодальном обществе<sup>22</sup>.

Ход мысли Спелмена ясен, хотя его незавершенный трактат «*Of Parliaments*» обрывается на правлении Генриха II, т.е. в конце

<sup>21</sup> Spelman H. Reliquiae Spelmannianae...P. 57.

<sup>22</sup> Ibid. P. 62.

XII в. Палата общин была представлена «libere tenent» «freeholders», которые позже объединились с мелкими держателями земли, чтобы выбирать рыцарей графств в палату общин от нового класса фригольдеров. Таким образом, король, в силу своего положения, как феодальный сюзерен состоял со всем обществом в сеньориальных отношениях, которые реализовывались в практике оммажа и лояльности к королю держателей земли каждого участка королевства.

Появление палаты общин Спелмен связывает с началом постепенного распада феодальных отношений. «После приема общин в парламент все влияние магнатов постепенно снижается, и потому, что их власть над их подопечными (поземельно зависимыми – *B.V.*) становится ограниченной, и потому, что «службы», которые они должны исполнять, утратили прежнее значение. ...начинает возвышаться новый Левиафан...»<sup>23</sup>. Кто именно были представители этого «нового Левиафана», способствовавшие ослаблению феодальной власти, но еще не ставшие серьезной опасностью для упорядоченного феодального общества? Ответ Спелмена – фригольдеры. Кем бы они ни были, они могли угрожать короне, если вставали на сторону магнатов. Для предотвращения подобных ситуаций король в парламенте принимал меры, чтобы поддержать фригольдеров, но при этом вольно или невольно создавал новый центр власти, который уже не мог полностью контролировать. В работе «История святотатства» (*англ.* «History of Sacrilege») Спелмен обращается к анализу процесса упадка дворянства, описывая многие персональные трагедии современников Генриха VIII. «Теперь я работаю над сбором сведений в стремлении понять очевидную потерю институтом баронства былого блеска древности, привлекательности и уважения... Сказать, что я здесь наблюдаю, так это то, что дарованные нобилитету Господом почести, превратили его в ленивых и пошлых людей; и то, что Господь взял эти древние почести и передал людям низкого происхождения – продавцам, тавернщикам, шляпникам, торговцам, горожанам, пивоварам и скотоводам...»<sup>24</sup>. Однако Спелмен вовсе не изображает джентри как однородный класс богатых и неуправляемых людей. Именно они чаще всего становились собственниками проданных церковных и коронных земель<sup>25</sup>. Но Спелмен подчеркивает тот факт, что покупатели получали новый земельный объект на условиях сохранения целостности владения («*in capite*»). Это обстоятельство накладывало на

---

<sup>23</sup> Spelman H. Glossarium (1664), P. 452. Pocock J.G.A. The Ancient Constitution... P.115.

<sup>24</sup> Spelman H. Hist. Sacr. P. 224–225.

<sup>25</sup> Ibid. P. 225–227.

них нежеланную для многих из них ответственность патронажа<sup>26</sup>. Новые дворяне – джентри – не были освобождены от феодальных обязанностей, но стремились избавиться от них с целью увеличить свое благосостояние другими способами. Условия покупки земли вынуждали их к возврату в лоно феодальных отношений, которые, по мнению Спелмена, уже вымерли, за исключением владений некоторых пэров и нескольких крупных поместий<sup>27</sup>.

Дж. Покок дает высокую оценку идеям и системе доказательств Генри Спелмена: «Это было начало подлинно исторического изучения английских учреждений и единственно возможной альтернативой псевдоисторической мысли Кока и юристов общего права»<sup>28</sup>. Антиквар начала XVII в. демонстрировал новую технику исследования, основанную на высокой степени абстракции и априорного знания. «Следуйте за нами и увидите, – описывал Спелмен свой исторический метод, – что практика изучения древних веков подобна теореме»<sup>29</sup>. Рассматривая работу Спелмена в целом, можно сказать, что он опередил своих современников в осмыслении англонормандского периода в истории Британии. Следует также помнить, что его литературное наследие было опубликовано значительно позже, а истинный смысл его произведений стал понятен спустя несколько десятилетий. Переосмысление конституционной истории на основании концепции феода по Спелмену стало возможным лишь после завершения Гражданской войны – в эпоху Реставрации. Парадокс Кромвелевской республики заключался в создании «по завету» Кока усеченного однопалатного парламента без четких полномочий и под лозунгом «древней конституции».

Важным вкладом антикваров первой кемденовской «волны» в английскую историографию стала концепция феодализма. Спелмен был не единственным, но, несомненно, главным ее «архитектором». Стало возможным новое деление английской истории на три периода – дофеодальный, феодальный и постфеодальный. Нормандское завоевание трансформирует англосаксонское общество путем систематического внедрения континентальных форм феодальных землевладений. Отношения баронов и короны с XI по XIII век следует понимать с точки зрения вассальной зависимости и обязательств, с нею связанных. Появление землевладельцев в парламенте, которые избавлялись от обязанности посещать свои поместья, может

<sup>26</sup> Spelman H. Hist. Sacr. P. 229–235.

<sup>27</sup> Spelman H. Hist. Sacr. P. 235.

<sup>28</sup> Pocock J. G. A. The Ancient Constitution ... P. 102.

<sup>29</sup> Spelman H. Reliquiae Spelmannianae... P. 61.

произойти только в обществе, где феодальные отношения начали терять свою исключительную важность. Еще раз следует подчеркнуть, что «английский (нормандский) феодализм», в интерпретации Спелмена, не означал какого-либо попирания общего права (кокианская интерпретация) или какого-то частного договора/соглашения между господином и вассалами. Он означал, прежде всего, что вся земля была распределена королем между его подданными на условиях принесения оммажа и «службы». В памфлетной войне середины XVII века идеи Спелмена были на руку роялистски ориентированным консервативным авторам (таким как Р. Филмер) для отрицания идеи «социального контракта» и утверждения о позднем возникновении Палаты общин.

В 1675 г. сэръ Уильям Дагдейл, наиболее выдающийся медиевист своего времени, опубликовал первый том своего труда «Бароны Англии», где в предисловии дал обзор парламентской истории на основе идей Г. Спелмена. Но Дагдейл, как считает Дж. Покок, уступает своему предшественнику Спелмену в раскрытии вопроса о происхождении палаты общин, связывая первое появление представителей общин в лице рыцарей, присоединившихся к Симону де Монфору во время гражданских войн баронов конца 40-х – 60-х гг. XIII в. В то время как Спелмен связывает происхождение палаты общин с процессом перехода класса держателей небольших владений «*in capite*» в класс «*freeholders*», которые больше не ограничиваются держанием «*in capite*» и вовлечены в механизм управления графств и со временем становятся «представителями» палаты общин<sup>30</sup>. Однако даже точка зрения Дагдейла о возникновении палаты общин в середине XIII века встретила всеобщее неприятие. Самым громким оказался голос вигского интерпретатора «древней конституции» и предтечи Джона Локка – Уильяма Пети / Petyt (1641–1707). Его сочинение «Древнее право коммонеров» (1680) изначально было задумано как ответ Дагдейлу<sup>31</sup>.

Первым кто всецело воспринял концепцию Спелмена и, более того, развил ее, был д-р Роберт Бреди (1627–1700). Выпускник Каюс колледжа в Кембридже, он был доктором медицины и профессором физики. Роялист из графства Норфолк, Бреди подвергся гонениям в период Республики Кромвеля (его брат Эдмунд Бреди был повешен в Норидже после неудачного роялистского заговора 1650 года). Он, никогда не писавший исторических сочинений, решил в 1675 г.

<sup>30</sup> Pocock J. G. A. *The Ancient Constitution and the Feudal Law...* P. 185–186.

<sup>31</sup> Petyt W. *The Antient Right of the Commons of England Asserted.* 1680.

создать историю Англии, которая будет «учить людей лояльности и послушанию, дабы предотвратить замыслы мятежников»<sup>32</sup>. В эпоху Реставрации его, как практикующего врача, часто приглашали ко двору как Карла II, так и Якова II. В этом качестве он присутствовал при дворе в момент рождения наследного принца в 1688 г.<sup>33</sup> Патроном Бреди с конца 1670-х гг. стал архиепископ Кентерберийский с 1677 по 1690 гг. Уильям Санкрофт, ключевая фигура эпохи Славной революции, возглавивший впоследствии неприсягнувших священников. Бреди был сторонником идей трактата Роберта Филмера «Патриарх» и, кроме того, по рекомендации Санкрофта сблизился с Дайгдейлом. Работа Уильяма Пети «Древнее право коммонеров» свергла Бреди в круговорот нарастающей дискуссии первых вигских парламентов 1679–1681 г. В 1681 г. он опубликовал «Полный и ясный ответ на книгу Уильяма Пети, эсквайра»<sup>34</sup>.

Сочинение Бреди имеет остро полемический характер и направлено на осмеяние своих врагов. Для У. Пети и сторонников «древней конституции» Вильгельм не был завоевателем, а на протяжении XIII в. имело место лишь посприятие древней английской конституции. Именно сюда был направлен главный удар Бреди. Это было завоевание, пишет он, а также привнесение нового вида права и принципиальное изменение отношений в англосаксонском обществе, и все это произошло по праву завоевания. Бреди заключает: «Большинство наших законов, в том числе главные, были доставлены сюда из Нормандии ЗАВОЕВАТЕЛЕМ. Оттуда мы получили наши ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ и способ владения нашим имуществом во всех отношениях, и оттуда мы также получили ОБЫЧАИ, соответствующие этим *владениям*. Их качество было в основе своей *феодалным*, ими пользовались при условии выполнения определенных ВОЕННЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ и СЛУЖБ, и, как необходимое следствие, мы должны были получить законы, также соответствующие этим ВЛАДЕНИЯМИ и ОБЫЧАЯМ, пригодные для их регулирования, в соответствии с которым каждый человек имел право на такое владение, которое было бы защищено в соответствии с их природой»<sup>35</sup>.

Всю оставшуюся жизнь Бреди посвятил обоснованию своего вывода. В 1684 г. была опубликована его работа «Введение в древнюю английскую историю», в 1685 г. – «Полная история Англии»,

<sup>32</sup> Pocock J. G. A. Robert Brady, 1627-1700. A Cambridge Historian of the Restoration // Cambridge Historical Journal, vol. x, no. 2 (1951), pp. 186-204.

<sup>33</sup> Douglas D.C. English scholars... P. 156.

<sup>34</sup> Brady R. A Full and Clear Answer to a Book Written by William Petit, Esq. 1681.

<sup>35</sup> Brady R. Introduction to the Old English History...1684. P. 14, 203.

в 1690 г. – «Исторический трактат о городах и бургах»<sup>36</sup>. Центральным вопросом в последующей дискуссии с Пети стал вопрос о происхождении палаты общин. У. Пети и его единомышленники доказывали, что фригольдеры никогда не служили ни королю, ни какому другому лорду. Фригольдеры и их права были древними по происхождению и благополучно пережили эпоху Завоевателя. Бреди на основе анализа рукописи «Книги Страшного суда» (1086), которая находилась в то время в Вестминстерском аббатстве, доказывал, что уже во время этой переписи не было ни одного куска земли, принадлежащего англичанину, который бы не состоял на службе короля Вильгельма. Свободные люди королевства («freemen of the kingdom»), упоминаемые в законах Вильгельма I, «должны были нести военную службу, будучи экипированными и с лошадей в поводу, согласно уплачиваемым налогам и размеру землевладения. Поэтому они были землевладельцами («tenents») на военной службе (которая в те времена распространялась только на свободных людей и не оплачивалась), что предполагало закрепление в законе. И это совсем не то, что фригольдеры в наши дни...». «Эти [tenents], по всей вероятности, и были теми людьми, которые впервые стали избирать двух Рыцарей в каждом Графстве, из своего числа, и только они стали Избирателями, когда впервые их интересы были представлены таким образом»<sup>37</sup>.

Р. Бреди доказывал, что до Эдуарда I понятие «король в совете» соответствовало, в первую очередь, простому собранию крупных держателей земли в ситуации разрешения королем трудных вопросов по принципу: «то, что касается всех, должно быть одобрено всеми». Бреди, служивший «хранителем свитков» в Тауэре с 1670 г. по 1689 г.<sup>38</sup> (потом должность перешла к Уильяму Пети<sup>39</sup>), изучил сохранившиеся записи подобных собраний XI–XIII вв. и пришел к выводу, что обычно они состояли из епископов, графов и баронов, которые были крупными держателями земли, во главе с королем. Присутствие других категорий землевладельцев на таких собраниях не фиксируется. Мелкие владельцы приглашаются на такие собрания в виде исключения, и в этом случае, пишет Бреди, такие собрания носят название «Communitas Regni». Он первым в британской

<sup>36</sup> Brady R. An Introduction to the Old English History. L., 1684; Brady R. A Complete History of England. L., 1685; Brady R. An Historical Treatise of Cities and Burghs. L., 1690.

<sup>37</sup> Brady R. Introduction to the Old English History... P. 18.

<sup>38</sup> Douglas D.C. English scholars ... P. 156.

<sup>39</sup> Pocock J. G. A. The Ancient Constitution and the Feudal Law ... P. 227.

историографии обратил внимание на этот термин и поставил на обсуждение его содержание. У. Пети, в соответствии с его провигской концепцией, даже не сомневается, что «*Communitas Regni*» – это и есть «*commonalty of the realm*» или «*House of Commons*», «палата общин». Бреди, верный основным принципам работы Спелмена, доказывает, что в XIII в. этот термин следует понимать, прежде всего, в феодальном смысле – как «*Communitas militum*», т.е. собрание, включающее как крупных, так и мелких держателей земли, во главе с королем, когда речь шла о военных вопросах<sup>40</sup>. Также Бреди подмечает, что в XIV–XV вв. происходит снижение статуса военной службы в качестве определяющего права и обязанности землевладельцев. И завершается этот процесс в правление Генриха VI законодательным оформлением замены «службы» уплатой сорокашиллингового ежегодного налога в королевскую казну<sup>41</sup>. Речь идет о «*Forty shilling freeholders*», получивших по Акту 1430 года парламентскую привилегию освобождения от «службы» на основании ежегодной выплаты не менее сорока шиллингов.

Очевидно, что концепция Спелмена стала грозным оружием в руках Бреди в споре о «древней английской конституции» в преддверии Славной революции. Она позволила ему подвергнуть аргументированной критике понятие «древней конституции», базирующейся на «древнем законе» и «древнем парламенте» на том простом основании, что институты феодальных отношений уже давно исчезли из английской жизни. Этот вывод Бреди был, по своей сути, пионерским и завершал формирование концепции Спелмена о феодальных отношениях на Британских островах. И, как пишет Джон Покок, «не было другой альтернативы феодализму в понимании англонормандского общества... как и не было другого метода преодоления недугов, от которых пострадала английская историческая мысль в XVII веке. Открытие этого метода Спелменом и его возрождение Бреди в совокупности должны быть признаны одним из самых важных достижений в истории нашей историографии»<sup>42</sup>.

Однако парадокс историографической ситуации заключался в том, что эти революционные идеи Спелмена и Бреди впоследствии оказались маргинальными и оставались таковыми вплоть до конца XIX в. В основном это произошло потому, что политическая позиция Бреди была консервативной и базировалась на представлении о суверенной власти монарха, а политическая конъюнктура была та-

<sup>40</sup> Brady R. Introduction to the Old English History. P. 73–76, 80–81, 84ff.

<sup>41</sup> Brady R. Introduction. P. 19–20.

<sup>42</sup> Pocock J. G. A. The Ancient Constitution... P. 198.

ковой, что победу в перспективе одержали виги и локкианская идея разделения властей. В этой ситуации большинство консервативно ориентированных полемистов (например, лорд Кларендон) приняли доктрину «древней конституции» и на этом основании отстаивали идею прерогатив королевской власти. Последующая историография эпохи Просвещения последовала курсом, заданным Коком и Пети. История англонормандской Англии интерпретировалась в духе неизменного абстрактного древнего «общего права». Дж. Локк, который не питал интереса к истории, а мыслил как политический философ, в своих сочинениях оформил понятие «английской конституции» как социального контракта на основе таких документов как Великая хартия вольностей, Петиция о праве и Билль о правах<sup>43</sup>. У лорда Болингброка мы уже находим «древнюю конституцию», восстановленную Революцией 1688/1689 г.<sup>44</sup>. Эдмунд Берк – самый сильный политический мыслитель завершающей фазы эпохи Просвещения – констатирует, что общественные институты являются продуктом истории; что история – это процесс передачи из поколения в поколение мудрости людей; существующие институты являются плодами этого процесса и «отшлифованы» стремлением людей охранять порядок и следовать естественным законам природы<sup>45</sup>.

Справедливости ради надо сказать несколько слов о «третьей линии» в интерпретациях событий «1066 года» в историографии XVII – первой половины XVIII в. Речь идет о «левой» традиции, именуемой в британской историографии «радикальной». В своих сочинениях Джон Мильтон, Джон Лильберн, Джерард Уинстенли придерживались представления о насильственном завоевании, следствием которого было установление тиранического нелегитимного правления Вильгельма – «нормандского ига». Их «историзм» определялся радикальной критикой существующего порядка. Дж. Покок называет ее «поставленной с ног на голову концепцией общего права»<sup>46</sup>. Представители и той, и другой «линии» – кокианской и радикальной – опирались в своих концептуальных построениях на прошлое и делали упор на права англичан в древности. Но юристы общего права выводили линию непрерывной преемственности между прошлым и настоящим для обоснования «основного закона» в современности; в то время как радикалы говорили о «золотом веке» и «потерянном рае», где англичане были свободны, и необходи-

---

<sup>43</sup> Locke J. Two Treatises of Government / Ed. by Peter Laslett. Cambridge, 1988.

<sup>44</sup> Dissertation on Parties, 7th ed. L., 1749. P. 124-125; 132-133.

<sup>45</sup> Берк Э. Размышления о революции во Франции // Социс. 1991. № 6. С. 117.

<sup>46</sup> Pocock J.G.A. The Ancient Constitution... P. 126.

мости его восстановления. И в отличие от юристов радикалы апеллировали не к законам, а к «естественному праву» и «разуму»<sup>47</sup>. Эта позиция получила развитие в XVIII в. Томас Пейн в своих сочинениях призывал вернуться к «золотому веку» англосаксов как обществу, где все люди были равны<sup>48</sup>. Британский историк-марксист Кристофер Хилл доводил эту «линию» интеллектуального развития до чартистского движения в XIX в. и далее рабочего движения XX века<sup>49</sup>.

Дж. Покок дает прямую оценку изучению англо-нормандского периода истории Англии в XVIII в. – «кажется, что оно зашло в тупик» – и отсылает к работам Дэвида Юма и Уильяма Робертсона<sup>50</sup>, которые не используют понятие «феодализм». При этом Д. Дуглас указывает, что Д. Юм привлекал сочинения Бреди, хотя ни разу не сослался на него<sup>51</sup>. В этой связи следует сказать о том, что исследования Спелмена и Бреди актуализировали необходимость подготовки критического издания «Книги Страшного суда» (*англ.* «Domesday Book»). Восстановленное в 1707 г. Антикварное общество Лондона провозгласило это в качестве своей приоритетной задачи. Однако только в 1767 г., при финансовой поддержке правительства, была начата работа по подготовке к публикации этого важнейшего исторического источника<sup>52</sup>. В 1783 г. вышло в свет первое печатное издание «Книги Страшного суда», подготовленное А. Фарли<sup>53</sup>. Судьба «Великой Хартии Вольностей» («Magna Carta Libertatum») 1215 г. – основного «источника свобод и вольностей» подданных королевства – также не была простой. Уже в XVII в. насчитывалось около десяти ее редакций и несколько сотен копий, скрепленных печатью королевской канцелярии<sup>54</sup>. Каноническое издание Хартии было подготовлено в 1759 г. известным юристом общего права сэром Уильямом Блекстоном, в котором он предложил систему внутренней нумерации статей<sup>55</sup>, используемую до сегодняшнего дня. Интересно, что

<sup>47</sup> Hill C. The Norman Yoke / Democracy and the Labour Movement. Lawrence and Wishart, 1954. P. 54

<sup>48</sup> Brownlie S. Memory and Myths of the Norman Conquest. Windmill, 2013.

<sup>49</sup> О «третьей линии» интеллектуального развития в XVII в. см.: Hill C. The Norman Yoke // Hill C. Democracy and the Labour Movement. L., 1954. P. 44–50.

<sup>50</sup> Pocock J. G. A. The Ancient Constitution and the Feudal Law ... P. 244; См.: Hume D. History of England. 1762. vol. 1. P. 263.

<sup>51</sup> Douglas D.C. English scholars... P. 157.

<sup>52</sup> Hallam E. Domesday Book through Nine Centuries. London: Thames and Hudson Ltd., 1986. P. 134.

<sup>53</sup> Condon M.M., Hallam E. Government Printing of the Public Records in the Eighteenth Century // Journal of the Society of Archivists. 1984. № 7. P. 348–388.

<sup>54</sup> Breay C. Magna Carta: Manuscripts and Myths. London, 2010. P. 34–36.

<sup>55</sup> Turner R. Magna Carta: Through the Ages. Routledge. L., 2003. P. 67–68.

Джон Уилкс, арестованный в 1763 г. за скандальную статью в «Северном британце», в борьбе со своими противниками и в ходе судебного разбирательства постоянно использует положения «Великой хартии вольностей»<sup>56</sup>. Эта ситуация указывает на спекулятивное использование исторической памяти, а соответственно и конфликт интерпретаций национального прошлого.

Таким образом, мы видим, что миф о «древней конституции» утверждался в ожесточенной борьбе идей второй половины XVII – начала XVIII в. Рассматривая образ Английской революции в культурной памяти британцев XVII–XX вв. Н.С. Креленко прямо соотносит этот исторический дискурс с культурным кодом эпохи барокко. «В споре о месте и роли нормандского завоевания в истории Англии отразилась вся противоречивость эпохи... В целом и общем барокко – это стиль мышления и поведения людей «растерявшейся эпохи», р а з у в е р и в ш е й с я во всем унаследованном и вместе с тем еще не нашедшей почвы для нового символа веры»<sup>57</sup>. Французский историк идей и литературы Поль Азар (1878–1944), автор фундаментальных работ по эпохе Просвещения, в том числе трехтомного труда «Кризис европейского сознания 1680–1715 гг.» приходит к выводу о том, что новый «критический импульс» «более отважных духом» мыслителей XVII в. обнаруживает «тот же отказ... субординировать человеческое и божественное»<sup>58</sup>. Этот поиск отчетливо виден в сочинении И. Ньютона «Начала натуральной философии» (1687) – хартии мира Нового времени, по меткому замечанию Пьера Шоню. Если для рационализма последователей Декарта теологическое пространство было помехой, то для набожного Ньютона в эвклидовой геометрии появляется пространство, которое теряет свою соразмерность с материей – «Sensorium Dei» («чувствилище Бога»), в котором «одна единственная формула принимает в расчет все феномены: пропорциональность массе, обратная пропорциональности квадрату расстояния. Закон всемирного тяготения будет объяснять буквально все на протяжении следующих двух столетий»<sup>59</sup>.

Прелюдия Просвещения базируется на идеях трех «конструкторов» нововременного мира – Декарта, Лейбница и Ньютона, которые

<sup>56</sup> Fryde N. Why Magna Carta? Angevin England Revisited. Munster, 2001.

<sup>57</sup> Креленко Н.С. Образ Английской революции в общественной памяти Великобритании XVII–XX веков. Саратов, 2012. С. 34–35.

<sup>58</sup> La Crise de la conscience européenne, 1680–1715, 3 vol. P., 1935; Hazard P. The crisis of the european mind: Translated from the French by J. L. May, Introduction by A. Grafton. L., 1962. P.

<sup>59</sup> Шоню П. Цивилизация классической Европы / Пер. и послесл. В. Бабинцева. Екатеринбург, 2005. С. 519.

совершили «полный перенос... онтологических характеристик христианского Бога на природу, этот старый... античный миф...»<sup>60</sup>. Теперь миф о природе позволял думать о социальном и человеческом порядке вне христианских матриц. Так возникла идея естественного права. Рассуждая о XVIII веке как «барочном и классическом», Шоню одновременно замечает: «классицизм – всего лишь миг на фоне долгого барокко...»<sup>61</sup>. На смену «растерявшейся эпохе» грядет «эпоха просветительского рационализма». Грядет «век императора Августа» – век расцвета английской литературы XVIII века, выросшей на античных образцах<sup>62</sup>.

В английском историописании этот переход от «долгого» барокко к «короткой» классике хорошо просматривается на примере знаменитой «битвы книг», или споре «древних» и «новых» на рубеже XVII–XVIII вв. Эта дискуссия имела общеевропейский контекст и за Ла-Маншем была еще острее<sup>63</sup>, в Англии же ее начало было положено публикацией в 1690 г. небольшого эссе «О знаниях древних и новых» сэра Уильяма Темпла (1628–1699)<sup>64</sup>, выдающегося дипломата и политического деятеля своего времени. В ответ хлынул поток малых и больших сочинений. Почва для дискуссии уже давно зрела в среде антикваров, где сформировался вопрос: были ли греки и римляне в культурном отношении выше последовавших за ними народов? Или же людям рубежа XVII–XVIII вв. в той или иной степени удалось достичь их уровня, и может быть даже в чем-то его превзойти? Вынесенный на обсуждение вопрос был поставлен таким образом, будто от его решения зависела судьба всей западной цивилизации: пойдет ли она вперед к чему-то новому и лучшему, развивая классические образцы, или же будет продолжать сожалеть о прошедшем «золотом веке» и сетовать на упадок современного мира. С практической точки зрения нужно было определиться: следовать ли строго правилам и примерам классической жизни и литера-

<sup>60</sup> Шоню П. Цивилизация классической Европы... P. 534.

<sup>61</sup> Шоню П. Цивилизация классической Европы... P. 448.

<sup>62</sup> Levine M. J. *The Battle of the Books: History and Literature in the Augustan Age*. Cornell, 1994.

<sup>63</sup> Спор о древних и новых: антология. М., 1985; Lecoq A.-M. *La Querelle des Anciens et des Modernes: XVIIe -XVIIIe siècle. Précédé d'un essai de Marc Fumaroli, suivi d'une postface de Jean Robert Armogathe*. Paris, 2001; Boruchoff D.A. *The Three Greatest Inventions of Modern Times: An Idea and Its Public // Entangled Knowledge: Scientific Discourses and Cultural Difference / Ed. by Klaus Hock and Gesa Mac-kenthun*. Münster and N.Y., 2012. P. 133–163.

<sup>64</sup> Sir William Temple's essays on ancient and modern learning, and on poetry / Ed. by J.E. Spingarn. 1909.

туры, которые вступали в конфликт с современным миром или позволить себе некоторую долю свободы в размышлениях и действиях. В течение нескольких десятилетий внимание к этому вопросу не ослабевало, почти каждый образованный англичанин имел свое мнение на этот счет и готов был его отстаивать.

Сэр Уильям, которого сегодня чаще всего вспоминают как патрона Джонатана Свифта, не был ученым и его интерес к «старому» и «новому» определялся практическими целями. Однако ко времени написания эссе его сочинение «Наблюдения в отношении Республики Соединенных Провинций» (1673)<sup>65</sup> уже выдержало несколько изданий. Его позиция – позиция моралиста и скептика, заключалась в убеждении о неизменности человеческой природы. Она базировалась на представлении о том, что все человеку было дано уже при сотворении мира. На страницах эссе Темпл использовал две красноречивые метафоры, которые прочно вошли в интеллектуальное поле последующей дискуссии. Первая – он сравнил «нового» человека с карликом, стоящим на плечах «гигантов», имея в виду, что современный человек видит дальше, потому что он «стоит» на опыте «древних». Вторая – «древние» уже обладали ясным представлением о природе, и современный человек только уточняет/отражает видение «древних». Эти две метафоры «карлик/гигант» и «отражающий/источающий» свет стали ключевыми в последующей полемике.

Обратим внимание на то, что 1690-е гг. в Англии были эпохой Исаака Ньютона и Роберта Бойла – эпохой бурных естественнонаучных открытий. И конечно, многим хотелось дать ответ «ретрограду» Темплу, но его авторитет и почтенная старость были серьезными препятствиями. Однако два молодых академика Лондонской королевской академии пошли в атаку – филолог-классик, и как сегодня считают, один из основателей исторической филологии и научной школы эллинизма в Британии, Ричард Бентли (1662–1742) и Уильям Уоттон (1666–1727), впоследствии архиепископ Кентерберийский. Первым в спор вступил У. Уоттон, когда в 1694 г. (и снова в 1697 г.) издал «Размышления о знаниях древних и новых»<sup>66</sup>. Надо заметить, что за Уоттоном к этому времени уже закрепилась слава «молодого гения», вундеркинда, который в шестилетнем возрасте читал Библию на английском, латинском, греческом и древнееврейском языках, впоследствии выучил арабский, сирийский, халдейский. В отличие от старика Темпла, который забыл греческий язык и с

<sup>65</sup> Temple W. Observations upon the United Provinces of the Netherlands. L., 1673.

<sup>66</sup> Wotton W. Reflections upon Ancient and Modern Learning. L., 1694. Режим доступа: <https://archive.org/details/reflectionsupon00wottgoog>.

большим трудом читал на нем, Уоттон был выдающимся лингвистом своего времени. В 20 лет он уже был избран членом Лондонской королевской Академии. В отличие от короткого эссе Темпла, «Размышления» Уоттона были полновесной книгой. Надо заметить, что пиетет перед античными авторами «нового» классициста был так же высок, как и у Темпла. Уоттон полагал, что уже древние сформировали основы знаний в области морали и политики – однако считал, что к их трудам также можно отнести критически. То, что никто не пытался этого сделать, еще не означает, что это не может быть сделано вообще. В целом оппоненты были единодушны в оценках античного наследия и оценок человеческой природы. Различия касались их взглядов на будущее. И здесь Уоттон был более оптимистичен, чем его оппонент. Темпл сравнивает работы новых историков Иоганна Слейдена, Энрико Давила, Фамиануса Страда с сочинениями Геродота, Тита Ливия и Цезаря. Его симпатии целиком на стороне последних. Уоттон соглашался с этим, но с оговорками. Да, он признал красноречие и высокий стиль древних авторов, но для него история и риторика не одно и то же<sup>67</sup>.

Но решающий удар по позициям «древних» нанес Ричард Бентли, который написал серьезную академическую работу под названием «Диссертация по поводу Эпистол Фалариса»<sup>68</sup>. Бентли, хоть и был лишен блеска, свойственного Уоттону, имел солидную подготовку, как в области гуманистической филологии, так и в том, что можно называть «новой» наукой толкования древних текстов. Он много работал в Бодлианской библиотеке в Оксфорде и был знатоком собрания ее редких манускриптов. В «Диссертации» «метод» работы Бентли был продемонстрирован со всем блеском и убедительностью. В достижении поставленной цели – доказать ложность тезиса об авторстве Эпистол Фалариса – он использовал не столько филологические, сколько исторические аргументы. Восхищаясь литературными достоинствами Эпистол, Бентли стремился показать, что каждое сочинение классиков написано в определенных обстоятельствах и требует, прежде всего, исторического объяснения. Новым было и то, что он апеллировал в своей аргументации к нелитературным памятникам – монетам, надписям, монументам эпохи античности. И это был момент «разрыва» истории и филологии.

Сам Темпл был вынужден уклониться от открытого ответа и Уоттону, и Бентли. При этом он зорко следил за текущей дискуссией

<sup>67</sup> Wotton W. Reflections... 1694, P. 23, 44, 318.

<sup>68</sup> Bently R. A. Dissertation Upon the Epistles of Phalaris: With an Answer to the Objections of the Hon. C. Boyly. 1697.

и, несомненно, был в курсе дела, поскольку приобретал каждую новую книгу в ходе этого спора. В частной же переписке Темпл хоть и был согласен с важностью работ по переводу, комментированию и изданию древних авторов, но при этом замечал, что «новые» должны быть «волшебниками», чтобы в «своих комментариях, глоссариях, аннотациях быть более учеными, чем сами древние»<sup>69</sup>. Современная ученость, полагал он, была в значительной степени занудна и, в общем, необязательна. Эта точка зрения в открытой полемике еще имела прочные позиции, но была обречена в исторической перспективе.

Только после смерти Темпла в 1699 г. первый в ряду его сторонников, Джонатан Свифт, дал ответ за своего патрона. В 1696 г. он написал и в 1704 г. издал сатирическое сочинение «Битва книг» в качестве пролога к «Сказке бочки» под названием «Полное и правдивое известие о разразившейся в прошлую пятницу битве древних и новых книг в Сент-Джеймской библиотеке». Хотя сразу следует оговориться, что, по большому счету, Свифт не являлся участником спора «древних» и «новых». Здесь мы имеем дело, скорее, с литературной «картинкой» спора, изображением его в аллегорических образах. Тем не менее, это сатирическое сочинение стало кульминацией защиты «древних» в споре с «новыми».

Дадим слово автору предисловия «Полного и правдивого известия» к читателю: «Следующее ниже рассуждение... было написано примерно... в 1697 году, когда бушевала известная распря по поводу древней и новой учености... Раздору не было конца, и тогда, повествует наш автор, КНИГИ в Сент-Джеймской библиотеке... включились в спор и завязалась решительная битва. Однако рукопись, пострадавшая от непогоды или какой иной случайности, повреждена в некоторых местах, и мы так и не можем узнать, которая же из сторон одержала победу»<sup>70</sup>. Две гениальные аллегии создает Свифт на страницах «Битвы книг». Первая. Гора Парнас имеет две вершины и поделена между двумя народами. Суть конфликта между ними заключается в том, что «древние» сидят на более высокой вершине и заслоняют вид на восток «новым». Последние предлагают либо поменяться местами, либо сравнять лопатами вершину «древних» до удобного «новым» уровня. Ответ «древних» прост – лопаты здесь не помогут, так как их вершина – сплошная скала, а вот нарастить свою

<sup>69</sup> Temple W. Miscellenea. The Third Part. L., 1701. P. 256.

<sup>70</sup> Swift J. A Full and true account of the battle fought last Friday between the ancient and the modern books in Saint James's library. The Works of Jonathan Swift, D.D., Dean of St. Patrick's, Dublin: Including the Whole of His Posthumous Pieces, Letters, V. 1. L., 1784. P. 391–433.

вершину – это их совет «новым». Другой аллегорией у Свифта является конфликт паука и пчелы. Паук, самонадеянный, злой и грубый, свил себе гнездо в углу библиотеки. Беспечная пчела, черпающая свою силу в природе, чуть не разрушила его жилище. Возник спор. Да, паук силен в математике и архитектуре, но искусства и пользы пчелы ему никогда не достичь. «Какое существо благороднее, то ли, которое в ленивом созерцании четырех дюймов в окружности, преисполненное спеси и целиком поглощенное собою, превращает все в испражнения и отраву, не производя ничего, кроме мушиного яда и паутины, или же то, которое, скитаясь по необозримым просторам, благодаря неутомимым поискам, изрядному прилежанию, здравому смыслу и умению распознавать суть вещей, приносит в дом мед и воск?»<sup>71</sup>. Свифт устами Эзопа дает оценку «новым»: «Каковы бы ни были претензии новых, никакого своего искусства, насколько помню, они не создали, если только не считать их большой способности к сатире и сваре, весьма близких по своей природе и сути к паучьему яду; и как бы они не уверяли, будто извлекают ядовитую слюну исключительно из самих себя, в действительности они пополняют свой яд, пожирая паразитов и гадов нынешнего века»<sup>72</sup>.

«Битва книг» и «Сказка бочки» дали Уоттону шанс переиздать свои «Рассуждения» в 1705 г. с новым введением, где он высмеял ортодоксальность Свифта<sup>73</sup>. Свифт ответил новым изданием «Сказки бочки» в 1710 г. с соответствующими комментариями, но аргументы сторон были явно исчерпаны. В «битве книг» наступило затишье. Новая волна в дискуссии «древних» и «новых» поднялась через несколько лет и была связана с активностью молодого поэта Александра Поупа (1688–1744), который замыслил перевести величайшую поэму античности – «Илиаду» Гомера. Страстное желание Поупа перевести «Илиаду» на английский язык было связано с его стремлением продемонстрировать свою точку зрения на «стандарт» перевода «великих древних», а также появлением в 1709 г. «Илиады» на французском языке. В 1713 г. Поуп объявил о своем проекте, и издал шесть томов «Илиады» на протяжении 1715–1720 гг. Конечно, это

<sup>71</sup> Цит. по: Пучков П.А. Спор «древних» и «новых» на исходе XVII века // Преподавание истории в школе. 2006. № 11. С. 24–28. Свифт Дж. Полное и правдивое известие о разразившейся в прошлую пятницу битве древних и новых книг в Сент-джеймской библиотеке / Пер. с англ. Ю. Левина. Режим доступа: <http://www.pergam-club.ru/book/4961>

<sup>72</sup> Цит. по: Пучков П.А. Спор «древних» и «новых»... С. 24–28; Swift J. A Full and true account... P. 391–433.

<sup>73</sup> Wotton W. Reflections upon Ancient and Modern Learning. With Observations upon the Tale of a Tab, 3th ed. L., 1705.

был великий поэтический перевод. Череда последующих переводчиков «Илиады» на английский язык обширна, но версия Поупа имела самую широкую популярность и пользуется ей до сих пор.

Как «новые» реагировали на ошеломляющий успех «Илиады» Александра Поупа? Ричарду Бентли приписывают фразу: «это очень милая поэма, но я должен сказать, что это не Гомер»<sup>74</sup>. Однако успех «древних» у публики был несомненен, они продемонстрировали свое превосходство над педантами-лексикографами.

А что национальная история, как складывалась ее судьба в Августинианскую эпоху Британии? «Новым» предстояла долгая и кропотливая работа. Как писал анонимный автор в 1742 г., «мы имеем Локка, Ньютона и Драйдена, но мы не можем похвастаться Ливием, Фукидидом или Тацитом»<sup>75</sup>. История медленно, но верно формировала свой собственный «модус вивенди». «Точкой роста» здесь стало наследие Уильяма Кемдена, основателя кафедры истории в Оксфорде в 1622 г. Его ученик и наследник на этом посту Дегори Уир опубликовал в октябре 1623 г. на латинском языке работу «О природе и способе чтения истории»<sup>76</sup>, ставшую его инаугурационной речью. Книга была выдержала несколько изданий. Англоязычная версия под названием «Метод и Причина для чтения гражданской и церковной историй» была опубликована в 1685 г. Эдмундом Боуном<sup>77</sup>. В момент, когда в 1694 г. были опубликованы «Размышления» Уоттона, перевод Боуна переживал свое второе издание. Предисловие к нему написал один из преемников Уира на посту главы кафедры древней истории в Оксфорде Генри Додуэл. Работу Уира можно считать началом разработки метода в британской традиции историописания. Конечно, это была еще антикварная традиция, но усиливался призыв к новому стандарту точности и критицизма. И что было очевидным – «новым» предстояла долгая и кропотливая работа.

Показательно, что именно на волне спора «древних» и «новых» возникает проект переиздания главного сочинения Уильяма Кемдена «Британия». И если гражданскую историю Англии нельзя было пока представить как хорошо организованный нарратив – то лучшим примером этого пока была «Британия» Кемдена. Она была прекрасным

<sup>74</sup> Цит. по: Levine J. The Battle of Books...P. 222.

<sup>75</sup> Collection of State Papers of the First Earl of Orrery. 1642. Thomson M. A. Some Developments in English Historiography during Eighteenth Century, University College Inaugural Lecture. L., 1957.

<sup>76</sup> Whear D. De ratione et methodo legendi historias. Режим доступа: <http://www.philological.bham.ac.uk/whear/text.html>

<sup>77</sup> Whear D. The Method and Order for Reading both Civil and Ecclesiastical Histories. L., 1685.

примером антикварной эрудиции и знакомства с последними и лучшими примерами европейской учености. Проект первой половины 1690-х гг. возглавил Эдмунд Гибсон (1669–1748), будущий епископ Лондона, который приобрел известность подготовкой публикации «Англо-саксонской хроники» в 1692 г. Гибсон развернул обширную деятельность по составлению комментариев к «Британии» Кэмдена и собрал сильную команду. От Шотландии – знатока естественной истории Британии сэра Роберта Сибалда из Эдинбургского университета, от Уэльса – знатока кельтских языков Эдварда Ллуйда, служителя Ашмолеанского музея в Оксфорде, составителя трехтомной «Английской исторической библиотеки» Уильяма Николсона<sup>78</sup>. Ивлин Джон, друг Уоттона и Бентли, который работал над собственной «Нумизматикой»<sup>79</sup>. Новое издание Кемдена получилось блестящим воплощением современного совместного продвижения в изучении прошлого<sup>80</sup>. Хотя новому изданию еще было далеко до совершенства – Рим строился не один день, но Кемден, подобно античным авторам, занял место в «пантеоне богов» и получил новый перевод и комментарии. Дж. Локк считал, что в библиотеке каждого джентльмена должна появиться новая «Британия»<sup>81</sup>.

Наилучшей попыткой соединить два модуса в развитии истории в разгар «битвы книг» были работы вышеупомянутого епископа Уильяма Николсона. В 1696 г. он выпустил первую часть своей «Английской исторической библиотеки»<sup>82</sup> – это был обзор истории Британии с критическими комментариями нарративов и других исторических источников. Как он верно полагал, все еще не была написана простая и понятная общая история королевства. Он также понимал, что эта задача по плечу только «...мастерам в наших древних, так и современных языках; сведущих в письменах бриттов, римлян, саксов, данов и других древних, знакомых с историками начиная с эпохи Вильгельма Завоевателя»<sup>83</sup>. Лексикография как отрасль знания

<sup>78</sup> Nicolson W. Of the English Medals and Coins from the Conquest // Nicolson W. The English Historical Library (EHL). Part. 3. L., 1699.

<sup>79</sup> Evelyn J. Numismata: A Discourse of Medals. L., 1697.

<sup>80</sup> Camden W. Britannia. Newly Translated into English: with Large Additions and Improvements, Ed. Edward Gibson. L., 1695.

<sup>81</sup> Locke J. Some Thoughts Concerning Reading and Study // Locke J. Works. In 10 vol. L., 1824. V. 10, P. 449.

<sup>82</sup> Nicolson W. The English Historical Library (EHL); or Short View and Character of most of the Writers now extant either in Print or Manuscript which be Serviceable to Undertaking of General History of this Kingdom. L., 1696. (English, 1696–1699; Scottish, 1702; Irish, 1724; complete later editions, 1732 and 1776).

<sup>83</sup> EHL. Sig. A. A3v.

получила в результате спора «древних» и «новых» невиданное ранее развитие. Например, Уоттон в «Защите размышлений» (1705) отмечает работу Джорджа Хикса «Тезаурус северных языков»<sup>84</sup>, который еще в 1689 г. издал англо-саксонскую грамматику на латинском языке (второе расширенное издание – в 1705 г.). Уоттону был близок метод Хикса, он, как и Бентли, использовал написание букв и значений слов в соответствии с датировкой документа. Другим крупным специалистом англо-саксонского языка был соратник Хикса по Оксфорду Эдвард Туэйтс. Все это показывало, что англо-саксонское наследие становится «новым» объектом осмысления, как с точки зрения учебных целей, так и в значительной степени в политическом и конфессиональном контексте. Казалось бы, реализация проекта средневековой английской истории достигала своего апогея, но вскоре Туэйтс умер молодым, Хикс – изношенным от старости, кто-то посвятил себя священническим обязанностям, как Гибсон. Казалось, «новые» проиграли «битву книг».

Показательна оценка антикваров лордом Болингброком в «Письмах об изучении и пользе истории» (написаны в начале 1730-х, опубликованы в 1752) как компиляторов, «которые редко имеют возможность узнать закулисную сторону дела, от которой зависят все официальные документы, и столь же редко наделены умением и талантами, необходимыми, чтобы должным образом собрать воедино то, что они действительно знают: они не в состоянии видеть работу рудника, но их усердие собирает то, что выбрасывается наружу». Они, с точки зрения Болингброка, не историки, задачей которых «является – или должно являться – отделение чистой руды от породы, чеканка из нее монеты и обогащение, а не обременение человечества». Он не видит таковых среди современных ему англичан: «У нас есть лишь два исторических сочинения, во всех отношениях сравнимые с античными, – это история царствования Генриха Седьмого лорда Бэкона и история наших гражданских войн в прошлом столетии... лорда-канцлера Кларендона ...у нас отсутствует общая история... равным образом нет у нас, о чем я сожалеею гораздо больше, ни частных исторических исследований, за исключением тех двух, о которых я упомянул, ни создателей мемуаров, ни собирателей документов и анекдотов... кем могут похвастать другие нации...»<sup>85</sup>. Эта оценка национального историописания свидетельствует о явной приверженности лорда Болинг-

<sup>84</sup> Hickes G. *Linguarum veterum septentrionalium thesaurus grammaticocriticus et archæologicus*. L., 1703–1705.

<sup>85</sup> Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М.: «Наука», 1977. С. 56, 61, 79.

брока к лагерю «древних» и недооценке, непониманию нового критицизма и нового метода историописания.

Неоримский стандарт исторического письма достигнет своего максимального раскрытия в середине XVIII в. в сочинении Дэвида Юма «История Англии». Здесь в стремлении написать современную, основанную на скептическом отношении к предшествующей традиции, историю Англии, Юм станет пионером, соединив интеллектуальную традицию «древних» с идеей национальной истории. Показательно то, что первоначально он задумывал писать «Историю Британии», но вскоре понял невыполнимость замысла без дополнительных изысканий<sup>86</sup>. Юм опирался на материал, собранный другими, прежде всего антикварами, и облёк его в новую форму гражданского нарратива. Оригинальность сочинения была в доверительном ясном рассказе. Именно у Тацита он перенял манеру описания различных типов людей в переломные моменты истории<sup>87</sup>. Юм полагал, что поможет разумному человеку не ставить под сомнение очевидные ценности и руководствоваться ими как в повседневной, так и политической жизни<sup>88</sup>. Его «История» стала «местом» адаптации и популяризации его собственной философии. И несмотря на то, что он пишет, казалось бы, национальную историю Англии, его фокус – на универсальной природе человека.

«История» Юма имела беспрецедентный успех<sup>89</sup>. Ему удалось добиться признания в широких слоях британского общества, прежде всего среднего класса, определявшего конъюнктуру политического и культурного развития Великобритании в середине XVIII в. И если Кемден создает образ Великой Британии, то именно Юм задал англоцентризм национальной истории Британских островов.

Обратим внимание на четыре приложения-вставки в его «Истории». В первом томе первого посмертного издания 1778 г. это – «Англосаксонское правление и манеры» (*The Anglo-Saxon Government and Manners*) и «Феодальное и англо-нормандское правление и манеры» (*The Feudal and Anglo-Norman Government and Manners*). В четвертом томе – «Елизавета», в пятом томе «Приложение к Правлению

<sup>86</sup> Kidd C. *Subverting Scotland's Past. Subverting Scotland's Past: Scottish Whig Historians and the Creation of an Anglo-British Identity, 1689 – c. 1830.* Cambridge. 1993. P. 148.

<sup>87</sup> *The Letters of David Hume...* 1932. Vol. 1. P. 170.

<sup>88</sup> Высокова В.В. Дэвид Юм как историк // Электронный научно-образовательный журнал «История» 2014. № 10 (33). С. 23.

<sup>89</sup> Его труд выдержал семь полных изданий при его жизни, и еще 175 – в течение ста лет после его смерти. См.: *David Hume: Philosophical Historian* / Ed. by D.F. Norton and R.H. Popkin. Indianapolis, 1965. P. 109, 413–417.

Якова I». В этих четырех «вставках» Юм дает обзор конституционного строя, нравов, торговли и искусства соответственно – англосаксонского периода, англонормандского, эпохи Елизаветы Тюдор и Якова Стюарта. Как таковые они описывают четыре важных момента английской истории: англосаксонское «варварство», феодальное общество Вильгельма Завоевателя, Елизаветинский абсолютизм, и, наконец, прогресс конституции, искусств и манер, которым отмечено правление первого представителя династии Стюартов. Материал представлен в статичном виде, он не носит повествовательного характера, не имеет событийного ряда и приподнимается над политическим нарративом, чтобы создать своего рода эскиз к истории цивилизации в Англии. Национальная история Англии мыслится здесь Юмом в таких универсальных категориях как прогресс и свобода.

Расцвет национальных историй в первой половине XIX в. станет ответом на просветительский универсализм<sup>90</sup>. Тем ни менее не следует прямо противопоставлять историю, приверженную универсализму Просвещения, – истории, заданной последующим романтическим национализмом. В конце концов, Вольтер, Монтескье и Юм проявляли живой интерес к вопросам национального характера и различиям между народами<sup>91</sup>. Французская революция 1789 г. символизирует наивысшую точку устремлений построить новое общество на универсальных ценностях и идее естественных и неотъемлемых прав. Идея Иоганна Готфрида Гердера о «народном духе» распространится по всей Европе как лесной пожар<sup>92</sup>.

В конце XVII – первой половине XVIII в. идеи естественного права и нового «социального и человеческого порядка вне христианских матриц» переживают кризис. Классицизм стал той «раковиной», в которой можно было на время укрыться и чувствовать себя великим римлянином. Парадокс Юма заключается в том, что, будучи шотландцем по происхождению и скептиком, образованным во французской интеллектуальной культуре, он создаст «Историю Англии» как коммерчески выгодный проект. Лишь «критика чистого разума» сформирует новые основания XIX века – века национализма.

---

<sup>90</sup> См.: Israel, Jonathan. *Enlightenment Contested: Philosophy, Modernity, and the Emancipation of Man 1670–1752*. Oxford, 2006.

<sup>91</sup> Leersen J. *The Rhetoric of National Character: a Programmatic Survey // Poetics Today*. 2000. Vol. 21. No. 2. P. 267–92.

<sup>92</sup> Gay P. *The Enlightenment: the Science of Freedom*. N.Y., 1996. P. 368–95.